Дата поступления рукописи в редакцию: 23.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.01.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-1-344-349

НИЙМАТИЛЛА УУЛУ Н.,
Адъюнкт 2-го курса адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета МВД России,
майор милиции,
e-mail: nuralynuke@yandex.ru

ПОНЯТИЕ ИНЫХ ДОКУМЕНТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. *Статья посвящена определению статуса иных документов как источника доказательств в уголовном процессе Кыргызской Республики. Институт доказательств выполняет системообразующую функцию в уголовном судопроизводстве, выступая в качестве единственно допустимого законного основания для принятия процессуальных решений. В системе допустимых источников доказательств, регламентированных уголовно-процессуальным законодательством Кыргызской Республики, особый статус занимают иные документы. Слово «иные», представляющее лексическую особенность, детерминирует расширительное и зачастую диспозитивное толкование его содержания в правоприменительной практике, порождая проблему размытости процессуальных границ. Вследствие этого догматическое содержание, процессуальный режим и критерии отграничения иных документов от смежных доказательств требуют доктринального осмысления и легальной конкретизации. По результатам проведенного анализа автором вырабатывается собственное понятие иных документов как самостоятельного источника доказательств в уголовном процессе Кыргызстана.*

Ключевые слова: *доказательства, иные документы, процесс доказывания, понятие, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, Российская Федерация, Кыргызская Республика.*

NIIMATILLA UULU N.,
Adjunct of the 2nd year of adjunct studies
at St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
police major

CONCEPT OF OTHER DOCUMENTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE KYRGYZ REPUBLIC

Annotation. *The article is devoted to determining the status of other documents as a source of evidence in the criminal process of the Kyrgyz Republic. The Institute of Evidence performs a backbone function in criminal proceedings, acting as the only permissible legal basis for making procedural decisions. In the system of permissible sources of evidence regulated by the criminal procedure legislation of the Kyrgyz Republic, other documents occupy a special status. The word "others," which represents a lexical feature, determines an expansive and often dispositive interpretation of its content in law enforcement practice, giving rise to the problem of blurred procedural boundaries. As a result, the dogmatic content, procedural regime and criteria for distinguishing other documents from related evidence require doctrinal understanding and legal concretization. Based on the results of the analysis, the author develops his own concept of other documents as an independent source of evidence in the criminal process of Kyrgyzstan.*

Key words: *evidence, other documents, proof process, concept, criminal process, criminal proceedings, Russian Federation, Kyrgyz Republic.*

Институт доказательств выполняет системообразующую функцию в уголовном судопроизводстве, выступая в качестве единственно допустимого законного основания для принятия процессуальных решений. Формирование внутреннего убеждения должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, и суда о виновности или невиновности лица возможно исключительно на основе совокупности доказательств, исследованных в полном объеме с соблюдением требований объективности и всесторонности.

Детерминирующая роль данного института предопределяет его комплексное и детализированное нормативное регулирование в уголовно-процессуальном законодательстве современных правовых систем. Уголовно-процессуальное право Кыргызской Республики, будучи частью этой правовой традиции, также закрепляет развернутую регламентацию доказательственной деятельности.

Как обоснованно указывают Б.С. Батырбаев и А.И. Искандерова, доказательственная проблематика занимает центральное место в конструкции уголовного процесса любого правового государства [4, с. 63]. В этой связи достижение такого уровня законодательной техники, который бы минимизировал наличие правовых пробелов и коллизий в толковании норм, становится императивной задачей для законодателя, направленной на обеспечение единообразия правоприменительной практики.

Схожей позиции, представляющейся теоретически обоснованной, придерживается В.В. Долгаев, аргументируя, что имплементация строгих законодательных процедур процесса доказывания служит гарантией неуклонного соблюдения фундаментальных принципов уголовного судопроизводства и, как следствие, реализации его назначения, сформулированного в уголовно-процессуальном законе [5, с. 4].

В системе допустимых источников доказательств, регламентированных уголовно-процессуальным законодательством Кыргызской Республики, особый статус занимают иные документы, положение о которых закреплено в пункте 6 части 2 статьи 80 УПК КР [1]. В лингвистической конструкции данного термина слово «иные» указывает на его вспомогательный и производный характер по отношению к другим регламентированным средствам доказывания. Эта лексическая особенность детерминирует расширительное и зачастую диспозитивное толкование его содержания в правоприменительной практике, порождая проблему размытости процессуальных границ. Вследствие этого догматическое содержание, процессуальный режим и критерии отграничения иных документов от смежных доказательств требуют доктринального осмысления и легальной конкретизации.

Обращение к историко-лингвистическому анализу позволяет установить, что термин «документ» (лат. documentum) берёт начало в правовой традиции Древнего Рима, где под ним понимался материальный объект, удостоверяющий некий факт или обстоятельство, то есть выполняющий удостоверительную или свидетельскую функцию. Эта исходная семантика, акцентирующая доказательственное предназначение документа, сохраняет свою релевантность и в современном уголовно-процессуальном контексте [6, с. 13].

В рамках масштабной правовой модернизации, осуществляемой в Кыргызской Республике на протяжении последнего десятилетия, значительной трансформации подверглась и сфера уголовного судопроизводства. Интенсификация законодательной деятельности в данной области наглядно иллюстрируется последовательным принятием двух кодифицированных актов – Уголовно-процессуальных кодексов 2017 и 2021 годов, хронологический разрыв между которыми составляет лишь четыре года.

Примечательно, что, несмотря на столь динамичное обновление процессуального законодательства в целом, регламентация правового статуса иных документов как источника доказательств демонстрирует устойчивый нормативный консерватизм. Сравнительно-правовой анализ показывает, что положения статьи 89 действующего УПК КР, посвящённой иным документам, представляют собой практически дословную репликацию нормы статьи 91 УПК КР 2017 года [2].

Данное обстоятельство позволяет констатировать, что концептуальные подходы законодателя к определению процессуальной природы, признаков и условий допустимости иных документов в период между принятием указанных кодексов остались неизменными. Таким образом, в контексте эволюции доказательственного права институт иных документов сохранил свою первоначальную законодательную конструкцию, что свидетельствует об отсутствии в данный период как доктринальной критики его регулирования, так и потребности в его существенной реформе со стороны правоприменителя.

Легальная дефиниция иных документов, закрепленная в УПК Кыргызской Республики, определяет их как носители информации, релевантной установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Критически важной характеристикой данной доказательственной категории является технологическая нейтральность формы фиксации сведений: законодатель прямо признает допустимыми не только традиционные письменные носители, но и документы, материализованные в фотографическом, аудиовизуальном или ином аналогичном формате.

Формирование доказательственной базы из иных документов в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики осуществляется посредством двух основных процессуальных процедур: истребования и представления. Истребование

представляет собой властное предписание, исходящее от уполномоченных субъектов уголовного процесса (должностных лиц органа дознания, следователя, прокурора, суда), обязывающее предоставить требуемый документ. В отличие от него, представление носит диспозитивный характер и реализуется по инициативе участников процесса, включая государственные органы, подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и иных лиц.

Особый правовой режим в рамках данного института установлен для защитника. В соответствии с ч. 4 ст. 53 УПК КР адвокат наделен дискреционным правом истребовать справки, характеристики и иные документы от органов публичной власти, общественных объединений, а также коммерческих и некоммерческих организаций. Возлагаемая на данные юридические лица корреспондирующая обязанность по предоставлению запрашиваемых материалов носит императивный характер. Законодатель дифференцирует сроки исполнения данного процессуального обязательства: общий срок составляет 10 суток, тогда как в исключительной процедуре санкционирования меры пресечения он сокращен до 2 суток, что продиктовано необходимостью оперативного разрешения вопроса о личной свободе.

Ключевой гарантией эффективности защиты является норма, устанавливающая, что документы, собранные адвокатом в рамках реализации своих полномочий, подлежат обязательному приобщению к материалам уголовного дела по его ходатайству. Данное предписание обеспечивает принцип состязательности, уравнивая стороны обвинения и защиты в возможности влиять на формирование круга исследуемых по делу доказательств.

Иные документы, будучи самостоятельным видом доказательств, подлежат всесторонней процессуальной верификации в рамках общего механизма доказывания. Их легитимность оценивается через призму системы критериев, установленных уголовно-процессуальным законом: относимости, допустимости и достоверности.

Первоочередному установлению подлежит допустимость документа, которая обеспечивается проверкой комплекса формально-юридических условий. К их числу относятся: аутентичность источника происхождения (установление автора и его правосубъектности), компетентность лица, составившего документ, а также наличие обязательных реквизитов, придающих ему юридическую силу (печати, подписи, дата). В ситуации возникновения обоснованных сомнений в подлинности документа, он подвергается интенсивной проверке, которая может инициировать проведение специального процессуального действия – назначения судебной экспертизы (почерковедческой, технико-криминалистической исследования документов и пр.).

Как справедливо отмечает Т.Т. Шамурзаев, недопустимость иных документов как доказательств является следствием нарушения императивных процедур их генезиса и процессуальной легализации. Под этим подразумевается несоблюдение установленного порядка получения первичной информации, её фиксации, а также процедур верификации источника происхождения этой информации. Так, например, значимыми процессуальными нарушениями, детерминирующими недопустимость, выступают:

– несоблюдение правил фиксации хода и результатов следственного действия в протоколе;
– неприменение специальных технических средств в случаях, когда их использование предписано законом для обеспечения полноты и объективности фиксации;
– получение документа из анонимного или непроверенного источника.

Таким образом, процессуальный режим иных документов характеризуется наличием строгого фильтра допустимости, где любые отклонения от установленной законом процедуры их формирования и приобщения к делу влекут утрату ими доказательственной силы [8, с. 144-145].

Доказательственная информация, почерпнутая из документов неофициального (частного) происхождения, таких как личная переписка, заметки и иные аналогичные материалы, характеризуется первоначальной непроверенностью их источника. В связи с этим, основным методом верификации подобных сведений выступает процедура допроса их автора в качестве свидетеля или иного участника процесса. В случае анонимности документа или возникновения обоснованных сомнений в его атрибуции, процессуальным средством установления автора является назначение почерковедческой экспертизы, позволяющей объективировать источник происхождения.

Важнейшей характеристикой правового режима иных документов является отсутствие у них заранее установленной доказательственной силы. В отличие, например, от вступившего в законную силу приговора суда, иной документ не обладает преюдициальным действием. Вследствие этого, окончательный вывод о его достоверности, а следовательно, и доказательственной ценности, формируется в рамках внутреннего убеждения следователя, прокурора или суда. Данная оценка осуществляется не изолиро-

ванно, а в ходе всестороннего, полного и объективного исследования всей совокупности собранных по делу доказательств, где каждое из них проверяется по отношению к другим, а все они вместе – применительно к предмету доказывания в целом.

Особый акцент в современной редакции УПК КР сделан на инкорпорацию цифровых носителей информации. Кодекс в императивном порядке включает в понятийный аппарат института доказательств электронные документы, приобретающие процессуальный статус при условии их получения в строгом соответствии с процедурными предписаниями УПК КР. Часть 3 статьи 89 УПК КР содержит важное правовое положение, приравнивая электронные документы по своей юридической силе к документам на бумажных носителях. При этом законодатель устанавливает дуалистическую модель закрепления такого доказательства: его распечатанная версия подлежит приобщению к материалам уголовного дела, в то время как исходный цифровой носитель (оригинал) остается на машинном носителе, обеспечивая сохранность и аутентичность данных. При этом для уравнивания в юридической силе материальных и электронных документов важно, чтобы последние были оформлены в соответствии с положениями Цифрового кодекса Кыргызской Республики, принятого в 2025 году [7].

Представляется, что именно в аспекте легализации электронной формы иных документов уголовно-процессуальное законодательство Кыргызской Республики демонстрирует более прогрессивный и технически адекватный подход по сравнению с УПК РФ [3]. Российский законодатель в статье 84 УПК РФ, регламентирующей иные документы, воздерживается от прямого указания на их возможную электронную природу, что создает правовую неопределенность и доктринальные сложности в квалификации цифровых артефактов в качестве доказательств.

Нормативное регулирование обращения с иными документами, приобщенными к материалам уголовного дела в Кыргызской Республике, регламентирует их правовой режим на всех стадиях производства, включая период последующего хранения. УПК КР устанавливает прескриптивные сроки хранения данной категории доказательств, производные от общих требований архивного и уголовно-процессуального законодательства.

В целях обеспечения баланса между интересами правосудия и правами третьих лиц, законодатель предусматривает диспозитивную возможность выдачи документов их законным владельцам. Подобная выдача допустима при условии, что она не детерминирует негативного воздействия на законность, полноту и объективность производства по уголовному делу, а также не создает непреодолимых препятствий для установления истины.

Отдельный процедурный режим установлен для документов, депонированных в фондах государственных или ведомственных архивов. В отношении таких источников действует императивный запрет на изъятие оригинала, обусловленный интересами обеспечения сохранности официального документального фонда. В данном случае уголовно-процессуальный закон предписывает использование надлежащим образом заверенных копий, которые, будучи тождественными оригиналу в их содержательной части, приобретают полную юридическую силу для целей доказывания.

Центральной проблемой в теории доказательственного права остается проблема дифференциации иных документов и вещественных доказательств. Легальные дефиниции, данные в УПК КР, указывают на необходимость их четкого разграничения, поскольку для каждой из этих категорий установлен особый процедурный режим, затрагивающий все стадии работы с доказательством – от механизма приобщения к материалам уголовного дела до правил их хранения.

Критерием для отнесения документа к одной из указанных категорий служит не его материальная форма, а характер и значение информации, которую он несет в контексте конкретного уголовного дела. Если документ выполняет удостоверительную функцию и его ценность заключается в содержании (реквизиты, подписи, смысл текста или записи), он признается иным документом. Однако в силу предписаний ч. 1 ст. 86 УПК КР тот же материальный объект должен быть квалифицирован как вещественное доказательство, если процессуально значимыми становятся его индивидуальные признаки или свойства: следы воздействия, физическое состояние, особенности материала. В этом случае он воспринимается не как носитель информации, а как материальный свидетель события преступления, сохраняющий на себе его отпечаток.

Таким образом, ключевым разграничительным признаком выступает доминирующий доказательственный признак: для иных документов таковым является семантическое содержание, тогда как для вещественных доказательств – их физико-материальная природа, индивидуализирующие свойства и связь с событием преступления, установленная через их материальную

форму. От правильности этой квалификации напрямую зависит соблюдение уголовно-процессуальной формы и, как следствие, допустимость самого доказательства.

Несмотря на отсутствие в УПК КР прямо сформулированного критерия разграничения, дифференциация между иными документами и вещественными доказательствами может быть реконструирована путем системного толкования соответствующих процессуальных норм. Легитимным основанием для такой классификации выступает природа доказательственной информации, присущая материальному носителю.

Таким образом, в основу разграничения положен доказательственно-информационный критерий, базирующийся на соотношении понятий «содержание» и «материальная форма».

Иные документы выполняют свою процессуальную функцию посредством семантического содержания – зафиксированных в них сведений (данных, записей, изображений), обладающих значением для установления обстоятельств дела. Их доказательственная ценность является репрезентационной и абстрагирована от физических свойств носителя. Квалифицирующим признаком здесь выступает способность документа удостоверять юридически значимые факты или сообщать информацию, имеющую значение для уголовного дела.

С вещественными доказательствами ситуация иная. Источником доказательственной информации являются их физические (материально-воплощенные) свойства: индивидуальные признаки, наличие следов преступного воздействия (подчистки, дописки, повреждения), особенности материала изготовления или иные материальные последствия инкриминируемого деяния. В данном случае доказательственная ценность объекта носит не репрезентационный, а аутоптический характер (доказывание через непосредственное восприятие свойств самого предмета).

Следовательно, один и тот же физический объект может приобретать различный процессуальный статус в зависимости от того, какая из его характеристик – семантическая или материально-следовая – избирается в качестве доминирующего основания для доказывания.

На основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать следующую доктринальную дефиницию: в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики иные документы представляют собой материальные или цифровые носители информации, релевантной установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, доказательственная ценность которых детерминирована исключительно их семантическим содержанием, а не физическими свойствами носителя.

Критически важным представляется то, что законодательная конструкция данного источника доказательств, закрепленная в УПК КР, содержит весь комплекс признаков, необходимых для признания его самостоятельным видом доказательств. К их числу относятся:

1) установленная законом процессуальная форма;
2) автономный от иных доказательств механизм собирания, проверки и приобщения к материалам уголовного дела;
3) специфический, присущий только данной категории, характер доказательственной информации.

Таким образом, несмотря на производный характер наименования («иные»), данный источник доказательств обладает собственной, логически завершенной процессуальной природой.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года [электронный ресурс]. – URL: https://mvd.gov.kg/rus/ministry/normative-bases/23 (дата обращения: 25.10.2025).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 24 января 2017 года [электронный ресурс]. – URL: https://cbd.minjust.gov.kg/111530/edition/1138550/ru (дата обращения: 25.10.2025).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921.

[4] Батырбаев, Б. С. Доказательство и доказывание в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики / Б. С. Батырбаев, А. И. Искендерова // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2019. – № 8. – С. 62-65.

[5] Долгаев, В. В. Иные документы как источники доказательств по уголовному делу: Учебно-практическое пособие / В. В. Долгаев. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – 70 с.

[6] Терзиев, Н. В. Введение в криминалистическое исследование документов. – М., 1949. – 124 с.

[7] Цифровой кодекс Кыргызской Республики от 31 июля 2025 года № 178 [электронный ресурс]. – URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-48/edition/35412/ru?lang=ru (дата обращения: 21.10.2025).

[8] Шамурзаев Т.Т. Допустимость доказательств в уголовном процессе Кыргызской Республики // Вестник Кыргызско-Российского славянского ун-та. Бишкек: Изд-во: Кыргызско-Российский славянский ун-т. – Том 11, № 1. – 2011. – С. 143 – 146.

References:

[1] Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic of October 28, 2021 [electronic resource]. - URL: https://mvd.gov.kg/rus/ministry/normative-bases/23 (access date: 25.10.2025).

[2] Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic of January 24, 2017 [electronic resource]. - URL: https://cbd.minjust.gov.kg/111530/edition/1138550/ru (access date: 25.10.2025).

[3] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 (as amended)//Collection of Legislation of the Russian Federation No. 52 dated December 24, 2001 (Part I) Art. 4921.

[4] Batyrbaev, B. S. Proof and proof in criminal proceedings of the Kyrgyz Republic/B. S. Batyrbaev, A. I. Iskenderova//News of universities in Kyrgyzstan. – 2019. – № 8. - S. 62-65.

[5] Dolgaev, V.V. Other documents as sources of evidence in a criminal case: Educational and practical manual/V.V. Dolgaev. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. - 70 s.

[6] Terziev, N.V. Introduction to forensic research of documents. - M., 1949. - 124 s.

[7] Digital Code of the Kyrgyz Republic of July 31, 2025 No. 178 [electronic resource]. - URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-48/edition/35412/ru?lang=ru (access date: 21.10.2025).

[8] Shamurzaev T.T. Admissibility of evidence in the criminal process of the Kyrgyz Republic//Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. Bishkek: Publishing house: Kyrgyz-Russian Slavic un-t. - Volume 11, No. 1. – 2011. - S. 143-146.

